

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

**Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности**



Издательство Томского университета
2015

30. Iadrntsev N.M. Obshchestvennaia zhizn' Sibiri [Social life of Siberia], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 5, 5 February.

31. Iadrntsev N.M. Sibir' pered sudom russkoi literatury [Siberia facing the court of Russian literature], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 9, 5 March.

32. Iadrntsev N.M. Etnologicheskie osobennosti sibirskogo naseleniia [Ethnological features of the Siberian population], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 15, 23 April; no. 17–18, 7–14 May.

УДК 94(571.16)"1905/1917"

DOI 10.172239785751123666/12

О.А. Харусь

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1914–1916 гг.)¹

Представлен анализ опыта консолидации населения Сибири по территориальному принципу в годы Первой мировой войны. Определены основные факторы актуализации и особенности процесса конструирования региональной идентичности в этот период. Раскрыты причины неэффективности социальных технологий репрезентации сибирской идентичности, предлагавшихся либерально настроенным инициативным меньшинством.

Ключевые слова: *Сибирь, региональная идентичность, конструирование, институционализация.*

Постановка проблемы. В исследованиях, посвященных процессу формирования сибирской идентичности, зафиксирована его двойственность, определявшаяся стихийным характером этого процесса на уровне массового сознания, с одной стороны, и целенаправленной деятельностью интеллектуальной элиты, общественных и политических акторов, сознательно конструирующих действительность – с другой. Предметом научных исследований стали проблемы региональной самоидентификации населения Сибири, основные этапы «функционирования» сибирской идентичности с конца XVII в. и до настоящего времени (Зайнутдинов 2012; Дутчак, Кашпур 2013; Shevtsov 2013 и др.). Вместе с тем социальные практики инициатив-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

ного меньшинства, в которых нашел отражение процесс конструирования региональной идентичности, представлены фрагментарно. В частности, в исследованиях, освещающих этот процесс в хронологических рамках второй половины XIX – начала XX в., соответствующая проблематика рассматривается почти исключительно в контексте истории областничества (Бороньев 2010; Ремнев 2011). Безусловно, такой акцент оправдан, поскольку именно в публицистическом, научном и литературно-художественном дискурсе областников процесс конструирования сибирской идентичности воплотился наиболее отчетливо. Однако ориентация на комплексный подход предполагает учет множественности форм и способов репрезентации региональной идентичности, оценку их в контексте конкретных обстоятельств, влиявших на динамику процесса конструирования. Определенные перспективы расширения исследовательского пространства открывает, на наш взгляд, изучение социальных практик, связанных с попытками политических и общественных акторов консолидировать население региона в условиях Первой мировой войны.

Анализ опыта деятельности по организационному оформлению группового единства на основе территориального принципа в 1914–1916 гг. имеет своей целью выявление мотивов её инициаторов, факторов актуализации процесса конструирования региональной идентичности в условиях военного времени, определение особенностей институционализации этого процесса в конкретный исторический период и оценку его результатов. Привлечение в качестве источников материалов периодической печати, неопубликованных документов местных органов самоуправления, губернских жандармских управлений, резолюций областных съездов городов региона обеспечивает необходимые условия для реализации исследовательского замысла.

Факторы и мотивы актуализации процесса конструирования региональной идентичности. Вступление России в Первую мировую войну вызвало всплеск «местного патриотизма», продиктованного стремлением общественности Сибири подчеркнуть свою готовность внести вклад в обеспечение победы, несмотря на удаленность от театра военных действий. При этом важным условием реализации потенциала сибирского общества либерально настроенные круги считали учет специфики региона. Такая позиция стала одним из побудительных мотивов к созданию «Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны»

(Сибиртета) и областных союзов городов Сибири как структур, максимально приближенных к местным условиям и заинтересованных в решении региональных проблем. Эти проблемы отнюдь не растворились в общегражданском патриотическом порыве, и намерение добиваться их решения являлось дополнительным стимулом к консолидации общественности в рамках новых организаций. На фоне искреннего стремления к объединению всех сил страны во имя победы проявления неравноправия в отношениях центра и окраин воспринимались местной интеллигенцией, общественными и политическими деятелями с особой остротой. Отсутствие в регионе земства, нерешенность вопроса о суде присяжных для Восточной Сибири, неразвитость сети просветительных, образовательных, лечебных учреждений, отсутствие необходимых условий для развития промышленности, торговли и сельского хозяйства края, чрезмерность бюрократической регламентации – таков был далеко не полный перечень проблем, требовавших своего решения.

В этих условиях проявления общественной инициативы должны были подтвердить подготовленность населения региона к реформам. Вместе с тем с созданием новых форм социального взаимодействия либерально настроенная интеллектуальная элита связывала перспективы развития гражданского сознания, активности и ответственности населения как необходимой основы правового строя.

Институционализация региональной идентичности: опыт реализации проектов консолидации населения Сибири. Первой региональной организацией, призванной содействовать решению проблем военного времени, стало созданное в сентябре 1914 г. «Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны». Энергичные действия руководителей и активистов общества по формированию отделов не только в крупных городах, но и в уездах, селах, деревнях увенчались успехом: Сибиртет превратился в довольно крупную организацию и к августу 1916 г. насчитывал в своем составе 52 отдела (Сибирская мысль 1916: 24 авг.). Вступительными взносами, пожертвованиями, ассигнованиями поддержку Сибиртету оказывали коммерческие предприятия, правления кредитных товариществ, купеческие и мещанские общества, гласные городских дум, частные лица – представители самых различных слоев и групп населения вне зависимости от их политических взглядов и предпочтений (Харусь 2014: 19).

Успешная в целом реализация этого социального проекта побудила руководство организации задуматься о перспективах пролонгирования её деятельности на послевоенный период при расширении функций. В марте 1915 г. был утвержден новый устав Сибиртета, который предусматривал включение в сферу его деятельности вопросов местного городского управления (Мосина 1978: 134). Намерение выйти за рамки задач по оказанию помощи раненым и пострадавшим от войны проявилось и в практических действиях: летом 1915 г. Сибиртет представил в Государственную думу и Государственный Совет докладную записку о необходимости срочного введения земства в регионе (Сибирская жизнь 1915: 20 авг.).

Однако основные надежды на развитие системы местного самоуправления инициативная общественность региона связывала с созданием областных союзов городов. 13 февраля 1915 г. омская городская дума приняла постановление о созыве съезда представителей городов Западной Сибири и разослала думами других городов положение о съезде, его программу и приглашения принять в нем участие. По замыслу организаторов, на съезде должно было состояться обсуждение мер по оказанию помощи возвращающимся из действующей армии больным и раненым воинам, по предупреждению инфекционных заболеваний и эпидемий в связи с размещением в городах военнопленных, по организации материальной поддержки семьям призванных в армию. Для решения этих вопросов предстояло объединить усилия западносибирских городов, создав на съезде областную организацию (ГАТО 1915: 325; ГАОО 1915–1916: 9).

Поскольку в формат областного союза городов не вписывалось сельское население, либеральная общественность края поставила вопрос о необходимости возбудить на съезде ходатайство о немедленном введении земства в Сибири. В редакционной статье газеты «Сибирская жизнь» отмечалось: «Организация помощи увечным воинам и санитарного надзора за пленными в деревне требует определенной системы, планомерности, применения к местным условиям и живейшего участия в деле широких слоев населения, а всё это возможно лишь при общественной самостоятельности сибирского крестьянства, земского самоуправления» (Сибирская жизнь 1915: 1 марта). Таким образом, в ходе обсуждения повестки съезда обнаружилось намерение инициативного меньшинства расширить сеть горизонтальных связей, включив в сферу активной общественной деятельности всё население региона.

Съезд представителей 12 городов Западной Сибири состоялся в Омске 11–13 апреля 1915 г. Помимо гласных городских дум и лиц, занимавших должность городского головы, с правом совещательного голоса участие в работе съезда приняли представители омской интеллигенции, члены различных общественных организаций и учреждений (ГАОО 1915–1916: 7). В кулуарах активно обсуждались вопросы введения земства в регионе, отмены правовых ограничений по Сибири, расширения круга избирателей в городские думы, предоставления гласным большей самостоятельности в решении вопросов бюджета и городского благоустройства, продолжения деятельности Всероссийского союза городов (ВСГ) после окончания войны (Мосина 1978: 141). Однако данные проблемы не нашли отражения в принятых резолюциях из-за опасения руководства съезда вызвать недовольство властей и, тем самым, заблокировать возможность положительного решения вопроса об учреждении областной организации западносибирских городов. Главную же свою задачу – формирование организационных основ для консолидации общественных сил региона – съезд выполнил, приняв резолюцию об образовании Западносибирской областной организации ВСГ (ГАТО 1915: 377).

Вопрос о создании областного союза городов являлся центральным и в повестке съезда представителей городов Восточной Сибири, открывшегося в Иркутске 15 апреля 1916 г. Миссия Союза, по замыслу инициаторов и руководителей съезда, должна была заключаться, прежде всего, в выяснении нужд региона и подготовке материалов, необходимых для решения его проблем в законодательных учреждениях (Алтайское дело 1916: 23 апр.; Сибирская мысль 1916: 22 апр.). В числе первоочередных мероприятий намечались: введение земства в Сибири на широких демократических началах; реформа Городового положения; обеспечение свободы деятельности организаций, защищающих интересы рабочих; создание общественного органа для решения проблем с продовольствием; объединение деятельности всех национальных, общественных и других организаций, оказывающих помощь беженцам, «под флагом Всероссийского Городского Союза» (ГАНИИО 1916: 3,7).

Обеспечение координации действий общественности возлагалось на областные союзы городов. В Восточной Сибири было решено создать, исходя из «чисто практических соображений» (обширность территории, огромные расстояния, недостаточное развитие

системы путей сообщения), две областные организации: Восточно-сибирскую в границах Иркутского генерал-губернаторства и Дальневосточную в границах Приамурского генерал-губернаторства (ГАНИИО 1916: 4). В последний день работы съезда, 19 апреля, были сформированы областные комитеты этих организаций (Иркутский и Благовещенский – соответственно) (ГАИО 1916а: 64, 1916б: 26). «В целях объединения работ, касающихся в одинаковой степени всех районов Сибири», съезд высказался и за создание общесибирской организации, предложив решить этот вопрос в ближайшее время на съезде городов всего региона (ГАНИИО 1916: 4).

Избранные общественными и политическими акторами Сибири способы и формы репрезентации региональной идентичности не предполагали противопоставления идентичности общероссийской и воспринимались как инструмент, позволявший решать не только специфические проблемы региона, но и проблемы общественного переустройства в государственном масштабе. Резолюции как западносибирского, так и восточносибирского съездов однозначно определяли статус областных союзов в качестве составных частей ВСГ (ГАТО 1915: 377–378; ГАНИИО 1916: 4). Обсуждение на съездах вопросов, связанных с реформой городского самоуправления в стране, демократизацией процедуры выборов в земство, отменой правовых ограничений для лиц еврейского происхождения и иудейского вероисповедания, организацией противодействия попыткам разжигания национальной розни в России, введением ответственного министерства (ГАОО 1915–1916: 23; ГАНИИО 1916: 10), свидетельствовало о ярко выраженной общероссийской идентичности организаторов и участников этих форумов. Будучи направленным на акцентирование специфических особенностей региона, процесс конструирования сибирской идентичности имел своей целью создание благоприятных условий для его развития в качестве неотъемлемой составной части страны.

Вместе с тем сама по себе постановка на областных съездах вопроса о необходимости социально-экономических и политических реформ в общероссийском масштабе свидетельствовала о появлении тенденции к политизации форм и способов репрезентации региональной идентичности. По мере обострения общенационального кризиса в стране всё более явно обнаруживались наметившиеся особенности процесса конструирования региональной идентичности,

связанные с расширением его рамок и выходом из сферы повседневности в пространство публичной политики.

Эффекты и эффективность социальных практик конструирования сибирской идентичности. Усилия либералов по созданию региональных структур были рассчитаны на достижение определенного социокультурного эффекта. Стремление сформировать региональную общность поверх социальных, национальных и этнических, партийно-политических границ для решения насущных проблем Сибири соответствовало либеральной системе мировоззренческих координат, предусматривавшей общественный консенсус на основе солидарных действий сознающих свою ответственность и способных к самодеятельности граждан. Организаторы областного съезда представителей городов Восточной Сибири, члены кадетской партии М.А. Кроль, П.И. Федоров, С.В. Востротин особо подчеркивали его «громкое моральное пропагандирующее значение в смысле будирования масс городского и уездного населения» и развития общественного самосознания (ГАИО 1916а: 64, 65).

Предусматривавшееся резолюцией восточносибирского съезда отсутствие какого-либо ценза и практики утверждения членом должно было открыть доступ представителям различных слоев населения в состав местных отделов ВСГ, областных организаций и их руководящих органов (ГАНИИО 1916: 4.). Бюро Западно-сибирского областного комитета ВСГ разослало в декабре 1916 г. местным комитетам и органам городского самоуправления региона циркуляр с предписанием привлекать к деятельности отделов ВСГ «широкие слои населения путем введения в состав комитетов представителей всех общественных организаций данного города» (ГАОО 1916: 60, 63, 68). В целях демократизации состава организации руководство Сибиртета признало необходимым допустить рассрочку членских взносов (Сибирская жизнь 1914: 18 нояб., 19 нояб., 13 дек.). Принятые меры обеспечили участие в деятельности отделов Сибиртета и ВСГ представителей различных социальных групп и слоев, людей с различными политическими воззрениями и предпочтениями. Однако именно разнородный состав организаций стал основной причиной неэффективности их деятельности по реализации намеченных целей.

По мере обострения общенационального кризиса в стране усиливались социальная поляризация и партийно-политическая конфронтация. В этих условиях постоянные конфликты между либера-

лами и левым крылом организаций фактически парализовали их деятельность. Дополнительным фактором, не позволившим организовать на постоянной основе деятельность региональных структур, ориентированных на развитие местного самоуправления, стало противодействие со стороны властей. Министерство внутренних дел запретило созыв второго съезда городов Западной Сибири, где планировалось рассмотреть вопрос о расширении прав и компетенции организаций ВСГ (Енисейский край 1916: 1 дек.). Не признавая правомочность действий областных комитетов ВСГ ввиду их намерений решать вопросы, не связанные непосредственно с нуждами военного времени, и продолжить свою деятельность в послевоенный период, органы губернского управления и городские думы отказывали в выделении необходимых ассигнований (ГАОО 1915–1916: 70; ГАИО 1916б: 6; Сибирская мысль 1916: 16 окт.; Енисейский край 1916: 29 окт.; Омский телеграф 1917: 4 янв.).

Административные запреты и ограничения усугубляли внутриорганизационные проблемы, связанные с разнородностью социального состава и конфликтом партийно-политических позиций участников местных отделов ВСГ. Идея консолидации населения по региональному принципу стремительно утрачивала свою актуальность, а вместе с ней и поддержку в обществе. Предлагавшиеся либералами практики оказались неэффективными в условиях социальной и политической поляризации общества, делавшей невозможным выстраивание горизонтальных связей взаимодействия различных групп и слоев населения Сибири. Начавшиеся же в 1917 г. революционные потрясения резко изменили вектор деятельности общественных и политических акторов, вытеснив проблемы группового единства по территориальному принципу за рамки актуальной повестки.

Выводы. Предпринятые либерально настроенной общественностью в 1914–1916 гг. попытки конструирования сибирской идентичности убедительно продемонстрировали несостоятельность надежд на его успех при отсутствии социально-политической стабильности и правового государства, способного адекватно реагировать на сигналы регионов. Тем не менее сама технология репрезентации региональной идентичности, сущность которой определялась ориентацией на развитие институтов местного самоуправления, представляется продуктивной по своему замыслу. Применение подобных технологий может оказаться перспективным не только в плане возможности четкой формулировки и отстаивания интересов развития региона,

учета их специфики при решении общегосударственных проблем, но и с точки зрения развития общественной инициативы и формирования институтов гражданского общества.

Источники и литература

1. *Алтайское дело*. Новониколаевск, 1916.
2. *Бороноев А.О.* Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. 2010. № 3. С. 81–85.
3. *ГАИО* (Государственный архив Иркутской области). Ф. 600. Оп. 1. Д. 884. Донесение начальника ИГЖУ Иркутскому генерал-губернатору. 1916а.
4. *ГАИО*. Ф. 609. Оп. 1. Д. 5. Дневник И.И. Серебренникова. 1916 б.
5. *ГАНИИО* (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 300. Оп. 1. Д. 357. Резолюции первого областного съезда представителей городов Восточной Сибири. 1916.
6. *ГАОО* (Государственный архив Омской области). Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Переписка об общественном движении и прессе в гор. Омске и Степном крае. 1915–1916.
7. *ГАОО*. Ф. 172. Оп. 1. Д. 350. Журналы заседаний бюро Западносибирского областного и омского комитетов ВСГ. 1916.
8. *ГАТО* (Государственный архив Томской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Журналы заседаний Томской городской думы за 1915 г.
9. *Дутчак Е.Е., Кашиур В.В.* «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
10. *Енисейский край*. Красноярск, 1916.
11. *Зайнутдинов А.Э.* Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2(61). С. 81–97.
12. *Мосина И.Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 170 с.
13. *Омский телеграф*. Омск, 1917.
14. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3(62). С. 109–128.
15. *Сибирская жизнь*. Томск, 1914–1916.
16. *Сибирская мысль*. Красноярск, 1916.
17. *Харусь О.А.* Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29). С. 15–23.
18. *Shevtsov V.V.* The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems // *Europolis: Journal of Political Analysis and Theory*. 2013. Vol. 7, № 1. P. 77–92.

Kharus Olga A.

National Research Tomsk State University

kharus-olga@sibmail.com

Social practices of constructing of Siberian identity under the conditions of the I World War (1914-1916)

The article analyses social practices in which process of constructing of Siberian identity under the conditions of the I World War was realized. Boost of 'local patriotism' caused by the desire of community of Siberia to emphasize its willingness to contribute to the victory regardless of its remoteness from the theatre of war was one of the factors determining the actuality of this process. Intention of the initiative minority to solve specific problems of Siberia caused by inequality between the centre and outlying districts with the help of Sibirtet, Western Siberian and Eastern Siberian provincial town organizations became an additional stimulus to consolidate different social strata of population in the frames of these specific provincial structures. Besides, liberally-minded intellectual elite associated the perspectives of civic activity development and responsibility of the population with the establishment of new forms of a social interconnection. This was considered to be the necessary foundations of a legal state.

These specific "Siberian" structures manifested provincial, but not separatist tendencies. All-Russian identity of public and political agents forming these structures found its reflection in their desire to set and solve the problems of state development, important for the whole country. Being directed at putting an emphasis on specificity of a province, the establishment of favorable conditions for its development as an inseparable constituent part of the country was the purpose of a constructing process of Siberian identity.

Aim at the development of local self-governing institutions was an important characteristic of representation technologies of provincial identity offered by liberally-minded intellectual and political elite in 1914-1916. Under the conditions of social and political polarization of the society as well as lack of legal state able to react to signals from provinces adequately, the experience of building the horizontal interconnection links of different groups and walks of life did not justify expectations of its initiators, which, however, does not exclude the possibility of its use under the other, more favorable circumstances.

Keywords: Siberia, provincial identity, constructing, institutionalization.

References

1. *Altayskoe delo* [Altai case]. Novonikolaevsk, 1916.
2. Boronoev A.O. Problemy dinamiki sibirskoi identichnosti [Problems of dynamics of Siberian identity], *Obshchestvo, sreda, razvitie*, 2010, no. 3, pp. 81–85.
3. *GAIO (State Archive of Irkutsk region)*, 1916a, F. 600, In. 1, C. 884.
4. *GAIO*, 1916b, F. 609, In. 1, C. 5.
5. *GANIIO (State Archive of Contemporary History of Irkutsk region)*, 1916, F. 300, In. 1, C. 357.
6. *GAOO (State Archive of Omsk region)*, 1915-1916, F. 270, In. 1, C. 652.
7. *GAOO*, 1916, F. 172, In. 1, C. 350.
8. *GATO (State Archive of Tomsk region)*, 1915, F. 127, In. 1, C. 2969.
9. Dutchak E.E., Kashpur V.V. «Russkii sibirskii», ili Paradoksy regional'noi identifikatsii [«Russian Siberian» or paradoxes of regional identification], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 4, pp. 116–129.
10. *Eniseiskii krai* [Yenisei region]. Krasnoyarsk, 1916.
11. Zainutdinov A.E. Tsivilizatsionnaya identichnost' Sibiri: ot oblastnichestva rubezha XIX–XX vekov k sovremennomu sibirstvu [Civilizational identity of Siberia: from regionalism of XIX–XX centuries to modern sibirstvo], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, Vol. 15, no. 2(61), pp. 81–97.
12. Mosina I.G. *Formirovanie burzhuazii v politicheskuiu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie into a political force in Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1978. 170 p.

13. *Omskii telegraf* [Omsk telegraph]. Omsk, 1917.
14. Remnev A.V. Natsional'nost' «sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality «Siberian»: regional identity and historical constructivism of XIX century], *Politiia*, 2011, no. 3(62), pp. 109–128.
15. *Sibirskaia zhizn'* [Siberian life]. Tomsk, 1914–1916.
16. *Sibirskaia mysl'* [Siberian thought]. Krasnoiarsk, 1916.
17. Kharus' O.A. Sibirtet kak organizatsionnaia forma aktualizatsii regional'noi identichnosti v usloviakh Pervoi mirovoi voyny [Sibirtet as the organizational form of actualization of regional identity in the First World War], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 1(29), pp. 15–23.
18. Shevtsov V.V. The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems, *Europolis: Journal of Political Analysis and Theory*, 2013, Vol. 7, no. 1, pp. 77–92.

УДК 394

DOI 10.172239785751123666/13

М.А. Жигунова

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СПЕЦИФИКУ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)¹

Исследуется региональная идентичность и социокультурная специфика Сибири. Статья основана на имеющихся публикациях, архивных и статистических данных, а также на материалах историко-этнографических, этносоциологических и музееведческих исследований автора, проведенных в 1984–2014 гг. во всех административно-территориальных областях Западной Сибири и в европейской части России (Москва, Краснодар, Тверь). В работе рассматриваются особенности формирования населения Сибири, анализируются различные подходы к понятию «сибиряк». Приводятся оригинальные примеры современной региональной и этнической самоидентификации. Отдельное внимание уделяется межэтническим контактам и взаимодействиям, различным конкретным формам трансляции историко-культурного наследия и региональной идентичности. Выявляются истоки и особенности сибирского характера, основополагающие ценности региональной сибирской идентичности и факторы, лежащие в основе ее формирования. Приводятся существующие представления о Сибири и сибиряках. Выявляется специфика традиционно-бытовой культуры сибиряков и причины, породившие ее многообразие.

Ключевые слова: региональная идентичность, культура, Сибирь, сибирский характер.

Введение. В период кардинальных трансформаций одновременно с меняющимися объективными условиями происходят и значи-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту № 14-50-00036, грант РФ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».